

Актеры и роли

ВЕРНОСТЬ ПРИЗВАНИЮ

У каждого актера есть роли, от которых ведется своеобразный внутренний отсчет творческого мужания и зрелости. Для Леонида Давыдовича Охлупина одним из таких «рубежей» стала работа над «Калиновой рощей» Корнейчука.

Он играл Вакуленко — человека не очень далекого, но хитрого, практичного, изворотливого, свято исповедующего неписаную житейскую премудрость: умей угодить начальству!

Репетиция сменялась репетицией. Точнее и точнее постигался характер героя. Нет, все было верно и логично, кроме... Кроме одного. «Калиновая роща» определялась автором как комедия. Спектакль же явно тяготел к психологической бытовой пьесе. Что делать?

— Выход у нас с вами единственный, — сказал бывший в то время главным режиссером Е. Я. Брилли. — Надо искать такие внешние проявления внутренних особенностей героев Корнейчука, которые создали бы необходимую нам с вами комедийную ситуацию, вызвали бы улыбку своей странностью, забавностью, несоответствием привычным нормам... Не падайте духом, — закончил Брилли, увидя вытаращенные лица актеров. — Этого не так трудно будет добиться, ведь внутренняя сущность героев изучена вами до тонкостей!

«Главный», разумеется, преуменьшил трудность. Но в принципе он был прав. И Охлупин гонял это с первой же коррективы, когда зашел разговор о том, как должен носить фуражку любящий приложиться к рюмке Вакуленко. Ну как же, действительно, можно было пройти мимо такой, вроде бы лежащей на поверхности яркой комедийной детали; герой — подхалим, стало быть он сто раз на день снимает шапку перед «руководящими товарищами». И сто раз надевает. А так как он всегда чуточку хмельной, то бывает и не заметит, что набросил фуражечку козырьком в сторону. Таким и появился Вакуленко Охлупина на сцене и вызвал первую улыбку, а за ней и другую, уже более ироничную: это когда он веточкой пытался согнать мух со спящего начальника...

В общем, на «Калиновой роще» зрители смеялись и смеялись от души. И, наверное, не один исполнитель роли Вакуленко почувствовал на себе в тот раз, что это конкретно означает — «уметь найти точные, выразительные средства». Во всяком случае для Леонида Давыдовича эта роль дорога и памятна, ибо многое было тогда понято благодаря ей, не только разумом, но и душой, сердцем, стало актерской плотью и кровью.

В случае с Вакуленко счастливо раскрылись особенности индивидуального почерка артиста, которыми отмечена любая из его сценических работ в Свердловской драме.

А за 38 лет сыграно очень и очень много. Тут и Солонкин в «Пади Серебряной», и Ильин в «Русских людях», и Проценко в «Молодой гвардии», и Леонтьев в «Поединке»... Политрук, партийный руководитель, советский разведчик... А рядом — старик Левшин во «Врагах» Горького и доктор Чебутыкин в «Трех сестрах» Чехова, мусорщик Дулитл в «Пигмалионе», и Мошкин в «Холостяке» Тургенева... Можно перечислять роль за ролью, многие из которых иногда настолько не похожи, что их,

кажется, по идее должны были бы играть совершенно разные люди.

Тем не менее, сам Охлупин убежден и горячо настаивает, что его призвание, его амплуа, его «конек» — характерные роли. И когда вспоминаешь спектакли с его участием, перечитываешь отзывы критики в газетах и журналах, соглашаешься: артист прав. Наибольший успех сопутствует Охлупину там, где, как это было в «Калиновой роще», ему надо найти броские, емкие, рельефные штрихи и детали. При этом внешняя сконцентрированность и заметность красок должны не только способствовать выявлению внутренней сущности образа, но и помогать распознаванию характера во всей человеческой сложности или противоречивости. Короче говоря — броско, но не прямолинейно, не однозначно.

В лучших сценических работах Охлупину это блестяще удается. Портретность некоторых ролей поражает бытовой достоверностью и художественной зоркостью. Блестящее подтверждение тому — японский офицер Мудзимуре из спектакля «На той стороне».

Размышляя о том, как должен выглядеть этот матерый контрразведчик, Охлупин пришел к выводу, что ему крайне важно попытаться с максимальной натуралистичностью воссоздать особый «восточный», если можно так выразиться, оскал рта Мудзимуре. Нет, не только во имя более точной передачи национальной принадлежности персонажа, но прежде всего, чтобы раскрыть «зубастую» целостность, изворотливость и хватку врага. Так ковыляла в арсенале выразительных средств специально изготовленная насадка на зубы. Изменились очертания рта, другим стало выражение лица. Казалось, что Мудзимуре постоянно улыбается — то приторно вежливо, то злобюще, будто знает больше, чем говорит, будто у него в запасе масса беспримыслий козырей. И яснее выявлялась мысль спектакля о том, что с Мудзимурой сразиться на равных дано не всякому. Тем большее уважение вызвали советские разведчики, одерживающие победу над сильным и опасным врагом.

И каждый раз Охлупин поступает так — ищет для себя в сценическом рисунке роли главную, всеобъемлющую и предельно зримую грань. В Перчихине, например, это мальчишеская резвость в походе, по-детски заразительная веселость. Это опять-таки важно для звучания горьковского замысла: не по годам молодой Перчихин оттеняет своим присутствием духовную старость Бессеменовых.

Разные судьбы, разные характеры... Краски же всегда должны быть самые яркие и выразительные. Особенно, если играешь людей своей эпохи. Поэтому и без того требовательный к себе Охлупин бывает вдвойне придирчив, когда работает над современной пьесой. Даже, если материал не очень богатодател и щедр, он пытается дотянуть роль, обогатить ее своим актерским горением, творческой фантазией. Так было в спектаклях «Четвертый», «Рассудите нас, люди», «В день свадьбы», «Перебежчик», «Тяжкое обвинение», «Кандидат партии». Приходится ограничиваться перечислением премьер разных лет, потому что нельзя подробно рассказать обо всем, тем более, что есть у Охлупина и еще один сокровенный перечень пьес, в которых он держит самый ответственный творческий и гражданский экзамен. Речь идет о драматургии, воссоздающей страницы биографии Владимира Ильича Ленина.

Впервые Охлупин создал образ Ильича 18 лет назад в спектакле «Незабываемый 19-й». Позднее играл в «Кремлевских курантах», в «Цветях живых», «Шестом июле» и, наконец, совсем недавно в «Третьей патетической».

Не будем переоценивать достигнутого. Да и сам артист далеко не удовлетворен сделанным. Он считает, что в первых работах слишком увлеклся поиском чисто фотографического сходства с обликом вождя. В этом плане в «Третьей патетической» произошла переоценка ценностей. Все силы Охлупин отдал постижению внутренней правды ленинского характера. И хотя портретное сходство в чем-то уменьшилось, образ «Третьей патетической» — самый близкий к личности Ильича. Не случайно роль Ленина в этом спектакле была отмечена дипломом первой степени на республиканском смотре, посвященном 100-летию со дня рождения великого вождя.

Свердловскому драмтеатру исполняется сорок. Лишь на два года короче актерская биография Охлупина. Но актер, как и прежде, полон горения, творческих планов. Товарищи по театру удивляются, как он успевает репетировать, играть труднейшие спектакли и одновременно находить время для руководства местным отделением ВТО, вести шефскую работу в воинских частях, бывать на заводах и в школах...

Что ж, у актера, влюбленного в искусство сцены, не может быть характера иного. Театр добр только к тем, кто отдается ему целиком.

Л. МАКОВКИН.

На снимке: заслуженный артист РСФСР Л. Д. ОХЛУПИН.